

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВ

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — СВЕТИТЬ!

Есть свет дня — а есть свет “Дня литературы”, уникального издания современной России, одного из немногих, взявших на себя миссию быть “настоящим”. Издательский мир, как и вообще мир вокруг нас, работает в режиме лицедейства, маркетингового притворства — и особенно в нём тяжело тем, кто остаётся самим собой и отстаивает нечто Настоящее. При этом я не дерзну утверждать, что настоящая литература — всегда высокая, всегда совершенная. Настоящее — не всегда стоящее. Но оно всегда живое. То есть осознаёт себя как самоцель и самоценность, а не существует для посторонних игр, например, коммерческих, в которых книга только притворяется книгой, а на самом деле — бухгалтерская единица товара, неотличимая от лопат или тапочек.

Настоящая литература не всегда стоящая, но она существует для себя самой, а не для дебетовой колонки амбарной книги. Это зеркало живой, реальной жизни, а не те фантомы и миражи, которые пытаются выдать за “бестселлеры”, напрямую, в самом имени явления увязав его культурную ценность с торгашеской вырубкой.

Каждый выход журнала русских писателей “День литературы” — целое событие в мире культуры. Некогда литературные журналы умирали, но теперь начинают обретать второе дыхание, подниматься, возрождаться. “День литературы” выходит при поддержке Союза писателей России и продолжает линию давно известной литературной общественности одноименной газеты.

Удивителен, ярк и разнообразен круг авторов “Дня литературы”, он в хорошем смысле слова демократичен. Сквозь шум и треск рекламных помех, почти заглушённый воем “станций оглушения”, доносятся до нас голос и мысль настоящей России.

Отмечу протокольно и “анкетно”: в результате расширения издания с бумажной версии газеты до журнала и сайта круг авторов масштабно вырос. Их стало более тысячи. Хотя издание позиционирует себя как газета русских писателей, авторы её — всех возможных национальностей и со всех концов мира, от Австралии, Канады, Израиля и до крошечной российской деревушки, затерявшейся на самом Крайнем Севере, но имеющей возможность поймать сигналы интернет-связи и выйти на сайт.

Отдельно хочется выделить творчество Валентины Григорьевны Ерофеевой, выпускающего редактора “Дня”, в прямом смысле слова отдающей изданию “жизнь и всех помыслов горение”. Ценны открытия, но ещё ценнее тот, кто эти открытия делает! И тут невозможно что-то добавить, потому что тот, кто читал ДЛ, и так знает, насколько он связан с Валентиной Ерофеевой духом и судьбой.

Но работа в редакции – одно, а творчество – другое дело. Открывая других, Ерофеева раскрывает и себя для читателей, и это замечательное знакомство с тонкой и мудрой душой. В стихах разных лет, публиковавшихся “Днём”, ощущаем и вольный взмах птичьего крыла, и лёгкий, почти беззвучный шорох круженья осенних листьев, и романтический скрип крыл мельницы, с которой сражался Дон Кихот...

Стихи разбивают устойчивое представление о том, что хорошие стихи – обязательно старинны, а новая поэзия, впитав в себя новизну прозаичного времени, не слишком сильна в своей новизне. Эти стихи в точности сохранили высокий дух русской поэзии, духовные заветы Золотого и Серебряного века, счастливо избежав подражательности.

Особый дар Валентины Ерофеевой – раскрыть мощь и красоту именно современного языка, того русского, на котором говорят наши современники. И при этом совершенно не поранить строфу грубостью современного сленга. Есть два процесса в языке – язык развивается, и язык портится. Многие считают, что это одно и то же. Но именно эти поэтические строки убеждают, что нет: есть современный, последних десятилетий, но при этом чистый и неиспорченный язык.

Издание (газета+журнал+сайт) полно открытиями, в нём прозвучало много новых имён. Одно из них – Юрий Манаков. Серьёзный, “увесистый” писатель от земли, от глубинки, так сказать, из “глубины сибирских руд”. На его творчество наложила неизгладимый отпечаток его биография. Её анкетные вехи стали вехами неторопливого и обстоятельного творчества Юрия, в котором чувствуется и ветер Алтая, и иссушающий суховец среднеазиатской пустыни, и шум иркутских улиц, и сопричастность большой русской литературе.

В названиях произведений Манакова, если присмотреться к ним на его страничке в “ДЛ”, раскрывается радугой и спектр его творческих интересов: любовь к большой и малой Родине, патриотизм и неуживчивое, правдоискательское, порой колкое слово.

В творчестве Манакова, прежде всего, ощутим серебристый поток живой русской народной речи. И алтайской, и вообще – современной, российской. Автор вроде бы и не пишет, а разговаривает: неторопливо, с крестьянской или шахтёрской основательностью ведёт с читателем беседу, интонационно очень чутко продуманную. Иногда такой разговорный жанр кажется у Манакова простословием, отсутствием литературных изысков. Но это такая простота и искренность слога, при которой автор не рвётся поучать, а хочет дружить с собеседником. И многие утверждения вовсе не в граните жаждет высекать, а высказывает в качестве вопроса или полувопроса, намёка, предположения...

Радуют живостью голоса молодых “звёздочек”, которым помогают взойти на небосклон литературы: критика и прозаика Андрея Тимофеева, критика Яны Сафроновой, прозаиков Юрия Лунина, Андрея Антипина, Дмитрия Филиппова, Елены Тулушевой, Жени Декиной.

Что касается Жени – именно так, заодно, а не Евгенией, она называет себя, – то в её творчестве раскрывается во всей бездне ад 1990-х глазами молодого поколения. Это взгляд того, кто через гнилые толщи пробивается снизу, к Солнцу. Режет и правда жизни, и неожиданная, парадоксальная чистота слова в грязи описываемых событий.

Не думайте, что “Метан” Декиной – традиционное для русской литературы описание ужасов нищеты и неустроенности; он нов, в нём, прежде всего, приговор современника звериным либеральным “свободам”. Нельзя человеку мыслящему не заметить, что абсолютную безысходность персонажей “Метана” сопровождает их абсолютная свобода, “раскрепощённость”, так сказать, когда жизни и судьбы ломает не какая-то там хрестоматийно-осуждаемая тирания, а именно ненужность человека, брошенного в омут: “живите, как хотите”.

Яркая и запоминающаяся фигура нашей новой современной литературы, прорастающей сквозь асфальт пореформенной реальности, – Ирина Иваськова. Она вошла и вписалась (и прочно прописалась) в плеяду молодых авторов “ледникового периода” (так я называю время великого оскудения интереса ко всей и всяческой литературе), суровых сталкеров нашего постапокалиптического мира. Такой и предстала в сборнике “День литературы” – голоса молодых”, среди прозаиков, живущих и творящих в мире сверхнизких температур всеобщего охлаждения и эмоционального отупения.

Иваськову не спутаешь ни с кем, потому что она работает в свойственной только ей мозаичной манере, складывая из обыденных элементов повествования нечто знаменательное и притчевое. Так из предельно узнаваемых и будничных кусочков реальности складывается шокирующий эффект общего восприятия.

Эстафетное направление целой плеяды молодых авторов России – Андрей Тимофеев, формировавший на правах шеф-редактора номера молодёжный выпуск “ДЛ”, в своей программной статье “Новые традиционалисты” обозначил “будущим русской литературы”. Я присоединяюсь, добавляя от себя, что тут нет никакого пафоса, а лишь констатация факта: будущее русской литературы не в возвышенном, а в самом буквальном смысле слова: по годам и именам.

Лично для меня “День литературы” – это мост между классиками и новыми именами. Когда с Бондаренко и Крупиным, или Ивановым, Личутиным и Прилепиным стоишь на одной полосе или выпущен в одном переплёте, то ощущаешь: вот – Вечность, а вот – ты, и между вами нет стены, между вами – мост.

В связи с этим не могу умолчать: очень интересный опыт – издание произведений Владимира Николаевича Крупина в рамках смелого эксперимента “Дня литературы” – в электронном виде. Впервые увидев рассказы Крупина не в привычном бумажном варианте, а на экране, я задумался: уместно ли? Насколько тончайшее кружево словесности Владимира Николаевича совместимо с новомодными гаджетами? Не ошибка ли это – поставить его в один ряд с юнцами, жизни вне компьютера не мыслящими, сросшимися с клавиатурой?

Но присмотревшись, убедился: всё правильно! Крупин хорошо вписался в электронные библиотеки, обретя в этом формате издания некие новые, порой неожиданные грани и оттенки. Благодаря электронным библиотекам Крупин историей не стал, он ваш и мой современник, он в одном строю с самыми юными авторами и не пытается занять какую-то особую рубрику-ложу. Его вполне устраивает компания по электронным публикациям, и он вполне органично в ней смотрится.

Что свойственно, в первую очередь, электронным публикациям Крупина, о которых я обещал поговорить? Образ “прикровенного бисера” возник у меня в голове с первых же строк на экране. Это тот же самый Крупин, но это и иной Крупин. Экран оттеняет то, что бумага, может быть, не всегда давала мне понять.

Это новый мир. Но важно сберечь его преемственность с прежними мирами, сберечь великую Традицию.

Самые могучие реки питаются от малых ручьёв, и река русской литературы не исключение. Что станет с её руслом, если иссякнут малые родники по берегам?

Смелое начинание – дать классикам и начинающим шагать в одном ряду. Смелое, но необходимое. Потому что литература, превратившаяся в памятник самой себе, – это уже мёртвая литература. За нею по непреодолимой причинно-следственной связи отмирает язык, бессильный выживать в вечных повторях “бытового общения”. А за языком отмирает и Ум как самоосознание и способность к собственной воле; народ становится в прямом смысле безумным.

Печальна и трагична судьба безумной нации, вся культура которой сводится к кальке и пародированию чужих духовных обносков, секонд-хенда поношенной первым хозяином джинсы. Эпигоны и подражатели сокращаются в истории человеческой так же неумолимо, как ноли в уравнениях. Ведь если не имеешь своего, то не имеешь и себя: отражение в зеркале не есть сущность, это лишь видимость!

Свети, День! Всё громкое и пустое, сиюминутное сгинет бесследно, расстворившись во времени. Придёт будущее (если вообще придёт...) – и нашу эпоху будут изучать по твоим страницам, ибо кому будут интересны через 100 лет разводы мёртвых олигархов и забавы мёртвых бонвиванов? И пляски давно мёртвых павианов? Слово же было в начале, и Слово – записанное, сохранённое – и есть Бессмертие.

г. Уфа